

Даос Цинсуй любил хорошее вино, а если говорить о лучшей винокурне во всем Сицзине, то это, безусловно, Чаншэн, располагавшаяся на Западном рынке. Чтобы за стаканом было сподручнее, даос Цинсуй, каждый раз приезжая в столицу, останавливался на постоялом дворе «Синхуа», что находился неподалеку от той винокурни.

Выйдя из дома, Нин Синчжи и Дуань И наняли повозку и вместе отправились на Западный рынок.

В пути Дуань И, подперев щеку рукой, пристально разглядывал Нин Синчжи, пока тот не смутился от такого взгляда:

— На что ты смотришь?

Дуань И протянул:

— Я-то помню, что ты сроду не пользовался никакими благовониями.

— И что? — Нин Синчжи как раз опасался, что от одежды будет разить ароматическими палочками, поэтому специально переоделся.

Дуань И усмехнулся:

— Сегодня утром мы с Цзи Сю заглянули в Цинчжугуань.

Нин Синчжи промолчал.

Дуань И продолжил:

— От тебя пахнет точно так же, как в комнате Хозяина Лоу.

Нин Синчжи нахмурился:

— К чему ты клонишь?

Дуань И улыбнулся, и в его глазах читалось глубокое облегчение:

— А Чжи, я очень рад, что ты смог всё отпустить. Тот человек — вовсе не пара тебе, и чувств к тебе у него нет. Как старший брат, я хочу, чтобы ты был счастлив, чтобы тебя ценили. Ты этого стоишь.

— Не застой, ступайте, а я пойду открою винокурню, — улыбнулась Синхуа.

— Не хочешь чего-нибудь перекусить? — спросил Нин Синчжи.

— Давай.

Синхуа была хозяйкой постоянного двора «Синхуа», а ее муж содержал винокурню Чаншэн, и оба они отличались редкостным трудолюбием.

— Что такое? — Дуань И заметил, что лицо Нин Синчжи как-то переменялось.

— Большое спасибо, матушка Синхуа, — Нин Синчжи вместе с Дуань И поблагодарил женщину.

Стоило лишь вспомнить, как дорог он даосу Цинсюю, как у Нин Синчжи на сердце становилось еще тяжелее: он чувствовал себя перед наставником виноватым донельзя.

Проводив взглядом отходящую Синхуа, Нин Синчжи и Дуань И направились напрямик в комнату даоса Цинсюя.

Нин Синчжи покачал головой:

— Ничего. — Помедлив, он добавил: — Лоу Ю — хороший человек.

Нин Синчжи остолбенел: и впрямь ведь было некоторое сходство.

Нин Синчжи поджал губы, не зная, что и ответить. Узнай Дуань И о том, зачем он ходил в Цинчжугуань, он ведь наверняка разочаровался бы?

— Раз уж речь зашла об этом хозяине Лоу из Цинчжугуаня, не находишь, что он кажется знакомым? — Дуань И, не заметив странностей в поведении Нин Синчжи, сменил тему.

Когда они добрались до Западного рынка, купцы и разносчики уже всюю раскладывали товары и зазывали покупателей, так что на улице стоял невероятный шум и гам. Проход из-за толпы был затруднен, да и постоянный двор «Синхуа» был уже близко, поэтому Нин Синчжи и Дуань И сошли с повозки и пошли пешком.

Чем ближе Нин Синчжи подходил к постоянному двору «Синхуа», тем сильнее тревога сжимала его сердце.

Очутившись у входа на постоянный двор, Нин Синчжи глубоко вздохнул и вместе с Дуань И перешагнул порог. Прямо у входа они столкнулись с дородной женщиной лет тридцати с небольшим. На ней было синее холщовое платье, а голова повязана платком в тон. Увидев Нин Синчжи и Дуань И, она приветливо улыбнулась:

— Ой, молодые господа, сколько лет, сколько зим! Даосский наставник Цинсюй остановился в своей прежней комнате.

Даос Цинсуй не был суровым учителем, напротив, он души не чаял в Нин Синчжи и даже взял Дуань И в ученики лишь потому, что Нин Синчжи упрямо отказывался идти к нему в послушники, так что пришлось действовать в обход.

Дуань И с вожделением покосился на разложенные вокруг лакомства, но все же покачал головой:

— Пойдем, не будем заставлять учителя ждать.

Когда Нин Синчжи только вошел туда в первый раз, то сразу почувствовал что-то смутно знакомое. Позже, когда Лоу Ю вернулся вместе с Вэнь Чанлином, он умылся, смыл косметику, и тогда Нин Синчжи больше об этом не думал. Но теперь, вспоминая все это, он чувствовал себя немного неловко от мысли, что Лоу Ю накладывал грим, делая свое лицо похожим на его собственное, в ожидании Вэнь Чанлина.

— Вернувшись в этот раз, я еще даже толком не погулял по Западному рынку, — не удержался от вздоха Дуань И.

Услышав это, Нин Синчжи тут же кивнул:

— И правда, кажется знакомым, но не могу понять, чем именно.

Дуань И глянул на только что вынутые из бамбуковых пароварок кушанья, от которых поднимался густой пар, на подрумяненные жареные пирожки с манящим сливочным ароматом, а также на хрустящие кунжутные лепешки на масле. Даже человек, равнодушный к еде, невольно остановился бы, чтобы полюбоваться ими.

— А тебе не кажется, что он чем-то на тебя похож? — спросил Дуань И.

Стоило им подойти к двери комнаты, как Дуань И уже собирался постучать, но Нин Синчжи схватил его за руку. Несмотря на долгие уговоры самого себя, Нин Синчжи все еще был не готов предстать перед лицом даоса Цинся.

— Войдите.

Глубокий голос даоса раздался изнутри. Несмотря на седые волосы и преклонный возраст, наставник по-прежнему был полон сил.

Нин Синчжи слегка толкнул Дуань И, и тот первым распахнул дверь. Нин Синчжи последовал за ним вплотную, однако спрятался за спину товарища, не смея показаться на глаза.

Даос Цинсуй чуть склонил голову набок и уставился на Нин Синчжи:

— Думаешь, спрятавшись за спиной А И, ты укроешься от моих глаз?

Нин Синчжи медленно, словно нехотя, выплыл из-за спины Дуань И:

— Учитель.

Даос Цинсуй нарочито помрачнел:

— Ты вообще помнишь, что у тебя есть учитель?

Заметив, что наставник, похоже, не сердится по-настоящему, Нин Синчжи тут же воспрял духом. Он обошел старика сзади и принялся услужливо разминать ему плечи:

— Что вы, учитель! Вы столько лет странствовали в дальних краях, знаете ли вы, как сильно ученик тосковал по вам?

— Ох? Правда ли? — даос Цинсуй погладил бороду, искоса поглядывая на Нин Синчжи.

Тот немедленно перебежал вперед, встал перед наставником и вскинул руку к небу:

— Ученик клянется, что в моих словах нет ни единой лжи!

— Вот как... — протянул даос Цинсуй, растягивая гласные. — Не последовать ли тебе тогда за мной на путь духовного очищения?

— А? — Нин Синчжи опешил, застигнутый врасплох таким поворотом. Он, конечно, скучал по наставнику, но чтобы уйти в монахи...

— Мм? — Даос Цинсуй сочно взглянул, словно насквозь видел все его помыслы, постучал себя в грудь. — Как же разрывается мое сердце... А Чжи даже не пытается меня утешить.

Нин Синчжи бросил на Дуань И молящий взгляд.

Еще в детстве даос Цинсуй бредил идеей приобщить его к Дао, но тогда ничего не вышло. Кто бы мог подумать, что и по сей день, столько времени спустя, старик все еще не оставил эту затею.

Поймав взгляд Нин Синчжи, Дуань И медленно отвернулся и сложил руки в приветственном жесте перед даосом:

— Учитель, ученик еще не завтракал. Может, мне сходить купить чего-нибудь поесть? Вы ведь наверняка тоже с самого утра в дороге и ничего не ели?

— Ступай, — даос Цинсуй прекрасно понимал, что Дуань И предоставляет им с Нин Синчжи возможность поговорить наедине.

Хотя Дуань И и Нин Синчжи были очень близки, некоторые вещи бывает трудно выговорить вслух, сколь бы близки вы ни были.

Как только Дуань И вышел, даос Цинсуй умолк. Он уставился на Нин Синчжи с предельно суровым выражением лица.

Нин Синчжи попытался было разрядить обстановку, но, натолкнувшись на строгий взгляд наставника, лишь неловко скривил губы, так и не сумев улыбнуться.

— Знаешь ли ты, зачем я внезапно приехал в столицу? — спросил даос.

Нин Синчжи покачал головой.

— Помнишь ли ты, что я сказал тебе, когда ты завершил обучение? — произнес даос Цинсуй.

Нин Синчжи со стыдом опустил голову. Он помнил слова наставника и тем более помнил данное им самим обещание, но нарушил его.

— Это дело касается твоей жизни, — сказал даос Цинсуй. — Если хочешь выжить, отправляйся со мной постигать Дао.

Нин Синчжи молчал. Если последовать за даосом Цинсуйем, ему неминуемо придется покинуть Сицзин, а он этого не хотел.

Внимательно взглядевшись в лицо ученика, старик все понял. Тяжело вздохнув, он достал из-за пазухи нефритовую подвеску и протянул ее Нин Синчжи.

— Учитель? — в растерянности произнес тот.

Даос Цинсуй пояснил:

— Эту подвеску-сынань я уже освятил. Ты должен бережно носить ее, ни на шаг не расставаясь: быть может, в час великой беды она спасет тебе жизнь.

Нин Синчжи принял нефрит, и глаза его мгновенно покраснели:

— Учитель, я снова заставляю вас тревожиться.

Даос Цинсуй покачал головой:

— Что поделать, раз ты — ученик, которого я выбрал сам?

В комнате воцарилось молчание. Старик поднялся с места, подошел к окну и распахнул его. С улицы в комнату тут же ворвались крики торговцев, и от этого одинокая фигура даоса Цинсюя, стоявшего у окна с заложенными за спину руками, показалась еще более тоскливой.

— А Чжи, — нарушил тишину наставник. — Хотя я и не знаю, почему ты так цепляешься за это место, у тебя наверняка есть свои причины. — Он повернулся к Нин Синчжи: — Спрошу тебя лишь об одном: стоило ли оно того?

— Ученик делает это по собственной воле, — тихо ответил Нин Синчжи.

<http://bllate.org/book/22060/2293783>